

Тихо колыхаются тюлевые занавески на неплотно прикрытых окнах. Свежий ветерок заносит в комнату запах цветущих деревьев, особенно яркой ноткой выделяются яблони. Вставать не хочется, постель теплая и мягкая, тело охватывает приятная нега, но сон не идет. Многолетняя привычка вставать рано дает о себе знать. Глаза упорно открываются, а сама она подсознательно прислушивается к звукам дома, но он безмолвен. Абсолютная тишина. И это заставляет напрячься, испуганно распахнуть глаза и напрячься, чтобы уже через пару десятков секунд расслабиться и откинуться на подушки, пытаюсь поймать ускользающую негу. Безрезультатно. Так хорошо начавшееся утро безвозвратно испорчено. Приходится вставать и приводить себя в порядок. Знакомые, рутинные действия, которые не несут никакого смысла. Просто делать то, что делала всегда, постоянно ловя себя на мысли, что замираешь и прислушиваешься, ожидая услышать чужие голоса, взрывы смеха. Только вот привычного шума нет и не предвидится. Дочь уехала вслед за отцом, с ней ушло веселье.

— Нана-сан, — деликатный стук в двери прерывает грустные мысли.

— Что, Бьянки-чан? — звонкий шлепок по щекам и голос звучит бодро, а из зеркала больше не смотрит смертельно раненое животное. Двери легко поддаются, распахиваясь во всю ширь, открывая вид на обеспокоенную девушку.

— Еши прислала новое письмо, я не стала открывать без вас, — девушка благоразумно не высказывает своих опасений, мастерски скрывая беспокойство за широкой улыбкой.

— Что же ты раньше не сказала, показывай! — в глазах загорается радостный огонек, взрослая женщина выглядит, как ребенок, ожидающий новогодний подарок. Сходство с ее дочерью сейчас наиболее заметно.

— Идемте, — Бьянки едва заметно улыбается, рукой указывая направление. — Я сейчас принесу письмо.

— В гостиную! — непреклонно звучит в ответ.

— Конечно, — спорить девушка и не думает, радуясь возможности порадовать мать Неба. Уж очень она волнуется о Нане, сдавшей после отъезда дочери и почти всех ее Хранителей. Особенно это заметно сейчас, когда малышню взял на пару дней Тсуеши-сан.

Пухлый конверт (прошлый век, и в то же время нет надежней носителя) ложится посреди стола, так и приковывая взгляд. Открывать сообщение выпадает Бьянки. Тонкий канцелярский ножик чуть подрагивает в ладони. От торжественности, какого-то предвкушения, что витает в воздухе, захватывает дыхание. Нетерпеливость зашкаливает, а когда письмо с тихим шуршанием открывается, демонстрируя свое содержимое, Нана невольно подается вперед, всматриваясь в короткие строчки.

Написано мало на ее взгляд. Просто преступно мало. И плевать на тех, кто посчитает, что десять листов формата А-4 покрытых убористым почерком это много! Для тоскующего материнского сердца это крупница в море. Тем более ее дочь умеет красиво писать, не рассказывая о своих страхах или сложностях, и Нану это огорчает, пусть радость тоже присутствует. Главное, дочь о ней не забыла, вновь прислала письмо и небольшую, тонкую флешку, лишь чудом обнаруженную Бьянкой. На носителе обнаружился еще целый фотоотчет, где отчетливо видно ее Тсунаеши с ребятами. Иногда в группе, иногда с кем-то одним. В разных местах, а может даже городах. Улыбающуюся и удивленную. Растерянную и предвкушающую. Множество эмоций запечатлено, только отрицательных ни одной. От этого радостно на душе, но и тревожно. Вдруг просто не хотела ее волновать?

Переливы дверного звонка нарушают идиллию. Только после этого Нана замечает, что Бьянки вся напряжинилась, а от экрана она отвлеклась еще раньше, напряженно прислушиваясь к чему-то понятному только ей. Расслабляясь далеко не сразу и не полностью.

— Я открою, после досмотрю и пересмотрю все, — женщина нехотя встает на ноги, с тяжелым вздохом и нежной улыбкой пряча письмо. — А еще перечитаю.

Идти открывать настойчивым гостям нет желания, но природная сознательность гонит к дверям. Вдруг кто-то нужный и важный? А может кто-то из соседок пришел попить чаю и

«поддержать» такую же, как и они? Посочувствовать, внутренне удовлетворенно улыбаясь, что не только их дети уже покинули отчий дом, оставив доживать родителей свой век. И понять их можно, сама еще недавно сочувствовала им, пусть и искренне.

Новая трель заставляет поторопиться.

— Иду-иду, — несмотря на нежелание, голос звучит приветливо, а на лицо ложится улыбка.
— Простите за ожидание...

Распахнутые двери предоставляют шикарный вид на двух людей, уничтожающих друг друга взглядами. Чуть дальше виднеются еще несколько, но они всем видом показывают, что дальше калитки не пойдут. Впрочем, стоило дверям распахнуться и появиться в проеме женщине, как они дружно посмотрели на нее. Уже без угрозы, довольно спокойно.

— Маман, — одна из фигур галантно поклонилась, приподнимая до боли знакомую шляпу с желтой ленточкой, зеленый хамелеон задорно подмигивает на ее вершине.

— Нана-сан, — второй человек запаздывает всего на мгновение, поэтому начинает говорить только после окончания фразы первого. Бархатистый голос приятно ласкает слух, но прохладные нотки отрезвляют не хуже ушата воды. Однако не только это, просто не каждому дано осознать, почему он обращается по имени, а не фамилии к малознакомой женщине.

— Реборн-кун, — Нана с нежностью улыбается, смотря вначале на одного, а после на другого посетителя, — и...

— Хибари Акихира, мой сын, Хибари Кея, много рассказывал о вас, — наглая ложь, его отпрыск не из тех, кто рассказывает все родителям, но женщине перед ним не стоит знать

этого. — Рад познакомиться с вами вживую.

— О, я тоже очень рада! — Нана радостно всплескивает руками. — Проходите, я давно хотела увидеть людей, у которых вырос такой замечательный сын! — женщина освобождает проход, не замечая чуть расширившихся глаз Акихиро. Тот явно не ожидал, что его сын... замечательный. Обычно к нему применяли совсем другие эпитеты. Впрочем, это у них было семейным. — Реборн-кун, не топчись на пороге, твой кофе сейчас будет, — восторженный ураганчик умчался вглубь помещения. — Акихиро-кун, что бы вы хотели, кофе или чай? У меня есть разные сорта, в том числе любимый Фонг-куном улун.

— ...кун? Фонг-кун? — полузадушено звучит за спиной мужчин.

— Привыкай, Тадаши, маман очень дружелюбный человек, — Реборн с трудом удерживается от более язвительных комментариев, слишком хорошо знает насколько острым может быть слух упорхнувшей вглубь дома женщины. Да и интуиция у нее была хоть и слабее, чем у дочери, но все равно развита. Невольно начинаешь понимать, что показанная ему родословная Иемицу находится под вопросом. Правда ли Тсунаеши с его стороны наследует Примо? Сомнения в этом становятся все сильнее.

— Спокойно, — голос Акихиро звучит холодно, движением ладони он останавливает напряженившихся людей. — Оставайтесь снаружи.

— Хай, то-сама/Есть, глава, — слаженно звучит в ответ.

Акихиро даже не поворачивается в их сторону, уверенный в том, что его послушаются. Он прибыл сюда не за этим. И судя по взглядам бывшего Аркобалено Солнца, тот еще не в курсе проделок своей ученицы. Было бы очень интересно увидеть, как он отреагирует узнав все. Одно это заставляет смириться с его присутствием во время разговора.

— Нана-сан, — Хибари невозмутимо проходит дальше, благовоспитанно разуваясь при входе, одобрительно оглядывая выдраенный до блеска пол. Зато мрачно зыркнувшую на него Ядовитого Скорпиона, показательно замершую рядом с хозяйкой дома, он одарил уже ледяным взглядом. Той не стоило зазнаваться и всерьез считать, что она сможет ему чем-то помешать, возникни у него мысль уничтожить кого-либо в этом доме. Впрочем, мысленно он оценил выбранную позицию и мрачную решимость в глазах. Небо его сына оставила рядом с матерью хорошего охранника, верного и достаточно сильного, чтобы унести своих врагов с собой. Естественно, против сильнейших она ничто, но даже его старшему сыну — Тадаши, может доставить немало неприятностей. — Я не против улуна.

— Хорошо, — чужая улыбка смотрится до боли знакомо. Теперь понятно от кого Тсунаэши научилась так себя вести. — Держите, — чашка с кофе и с чаем ставятся перед Реборном и Акихиро одновременно, почти в то же мгновение на столе появляется вазочка с печеньем, а она сама садится напротив них. — Так о чем вы хотели поговорить, Акихиро-кун, Реборн-кун? Это как-то связано с Тсу-чан?

— Вы как всегда проницательны, маман, — Реборн с усмешкой смотрит на чуть растерявшегося от такого напора и простодушности Хибари.

— Ты мне льстишь, Реборн-кун, — легкий румянец появляется на щеках, а улыбка все так же невинна. — Просто Тсу-чан единственная, кто может вывести тебя из себя. Она у меня чудо, верно?

— Это точно, — шляпа вовремя закрывает глаза, но не прячет ухмылку. В который раз он задумывается настолько ли проста Нана, как пытается казаться? Ответ очевиден — нет. Женщина сейчас мастерски троллит сразу двух опаснейших людей, но обижаться на нее не получается, как и испытать хоть что-то кроме веселья.

— Она смогла поладить с моим сыном, — прозвучало категорично, как приговор, заставляя посмотреть на сказавшего с недоумением.

— Да, ладно вам, Ке-кун очень милый парень, никогда не отказывает в помощи, сразу видно насколько душевный мальчик, — румянец на щеках становится сильнее, а глаза подергиваются мечтательной поволокой. — Они с Тсу-чан так напоминают мне меня с дорогим в молодости!

Реборну приходится спешно проглатывать кофе, что он глотнул, чтобы не захлебнуться. Хохот так и рвется из горла, а мысленно он показывает большой палец Нане. Та очень красиво ехидничает над гостем, с каждым словом вгоняя того во все больший шок.

— Я как раз об этом и хотел с вами поговорить, — к огромному сожалению бывшего Аркобалено, Хибари быстро берет себя в руки и на его лице практически незаметны эмоции.

— Обо мне и Иемицу? — Нана недоуменно хлопает глазами, нехотя выходя из воспоминаний.

— Нет, о моем сыне и вашей дочери, — прозвучало абсолютно спокойно, каждое слово говорится четко, будто он скульптор, который выбивает эпитафию на надгробной плите. И если брать этого человека, такое сравнение не кажется неуместным. — Я пришел просить ее руки у вас. Кея хочет взять ее в жены.

Вот теперь приходит черед Акихиро мысленно потирать ручки. Определенно, он не зря решил все сделать как полагается и не поленился подгадать момент, чтобы прийти к Нане одновременно с Реборном. Тот лишь на мгновение потерял самообладание, позволил маске нахального веселья треснуть и выглянуть настоящим эмоциям, но этого хватило. Теперь Хибари был доволен, в копилке его воспоминаний подобное выражение лица этого человека займет почетное место. Заодно он согласился со словами Фонга. Тсунаеши действительно не всегда советуется со своим наставником и может принимать решения самостоятельно. Только вот готова ли она к последствиям? Он это узнает. И один из первых.

— Это... немного неожиданно, — вот теперь растерянность женщины стопроцентно настоящая. — Тсу-чан, конечно, говорила, что сейчас путешествует с ним, но не более того, — секундная заминка, а после она мило улыбается и мягким голосом продолжает. — Мне

нравится Ке-кун, но неволить свою дочь я не стану. Извините, но пока я не услышу от нее, что она согласна на этот брак, я не могу дать свое благословение.

— Ваша дочь предупреждала о таком исходе, — отказ был принят абсолютно спокойно. Перед женщиной ложится небольшой, невзрачный телефон. — В записной книжке только один номер, это телефон моего сына, он сейчас рядом с вашей дочерью.

Взгляд Акихиро внимательный, цепкий. Он следит, оценивает реакции, делая выводы. Верные или нет, покажет только время. Хотя и так заметно, каким нетерпением загорелись чужие глаза. Нана с трудом себя сдерживает, ей действительно мало редких писем от дочери, хочется услышать ее голос, но она боится помешать. Впрочем, колебания не настолько долгие, вскоре женщина решительно протягивает руку и берет телефон, чуть неуверенно пробегая пальчиками по клавишам, находит телефонную книгу и нажимает на вызов единственного имеющегося там номера. Негромкие гудки, переливы каких-то мелодий.

— Говори, — прохладный голос звучит неожиданно, несмотря на то, что Нана готовилась к этому.

— Ке-кун! — голос звучит радостно. — Акихиро-кун дал мне телефон, сказал, что я могу позвонить тебе, чтобы узнать как у вас дела. Как Тсу-чан? Ты правда сделал моей малышке предложение?

— Нана-сан, — интонации чуть изменяются, голос звучит теплее и дружелюбнее. — Да, я тверд в своем намерении.

— Я так рада за вас! — восторженный возглас звучит абсолютно искренне. — И как она отреагировала?

— Подробности вам лучше расскажет Еши, я в этом не очень хорош... — легкая заминка заметна для внимательно прислушивающихся мужчин.

— Ка-чан! — слова Кеи кажется еще не отзвучали, а в телефонной трубке уже звучит бодрый девичий голосок. Знай они Кею чуть хуже, решили бы, что он трусливо сбежал, свалив объяснения на невесту, только в это верилось с трудом. — Я так рада тебя слышать, прости, что так редко писала и совсем не звонила!

— Я все понимаю, — женщина прямо на глазах расцветает улыбкой, возникает ощущение, что перед ними сидит школьница, ровесница своей дочери, а не мать. — Как ты, Тсу-чан?

— Со мной все хорошо, Хибари-сама же тебе уже сказал...? — негромко раздается в ответ.

— Да, и я бы очень хотела услышать подробности! — эмоции быстро сменяются на чужом лице, вот уже не улыбка, а в притворной строгости нахмурены бровки.

— Старик Тимотео нашел мне женишка, а Иемицу не стал спорить, — сухо раздалось в ответ.

— Тсу-чан, нельзя же так... что?! — последний возглас прозвучал особенно громко.

— Подробности можешь у Реборна выведать, ему должны были сообщить, — невесело раздалось в ответ.

— Но, Тсу-чан, это... — в чужих глазах настоящая тревога.

— Ка-чан, ты же не хуже меня знаешь, как мы с Кеей друг к другу относимся, — девочка фыркает уже более весело и заговорщицким шепотом продолжает. — И да, это не он мне предложение сделал, а я ему. Не волнуйся.

— Тсу-чан, — Нана понятливо захихикала, картинка в ее глазах стала более понятной. — Что от меня требуется?

— Приезжай, мне нужно подобрать платье на бал, где я на всю Италию объявлю о своем согласии, — моментально звучит в ответ. — Я по тебе соскучилась, не хочу в такой день быть только с Иемицу. Остальные тоже постоянно тебя вспоминают. Хибари-сама обещал помочь с переправлением.

— Конечно, я приеду, — решительно, без всяких сомнений отзывается Нана. — И ты мне все расскажешь.

— Конечно, — моментально дает согласие Тсунаеши. — Я расскажу все, а сейчас дай мне поговорить с Реборном, ладно? Мне нужен его совет.

— Хорошо, — Нана тяжело вздыхает, но послушно протягивает трубку бывшему Аркобалено, а после поворачивается к Хибари, краем уха прислушиваясь к разговору. Жаль, что слышно только фразы Реборна, а не ее дочери, а те не отличались разнообразием, лишь «да», «нет» и «позже». — Акихиро-кун, Тсу-чан сказала, что дала согласие, поэтому я не вижу проблем, я согласна дать благословение, но хотелось бы это сделать лично.

— Я понимаю, — Хибари невозмутимо кивает. — Самолет будет готов завтра с утра, я

пришлю машину в семь. Будьте готовы к этому моменту, — телефон, который молча возвращает ему недовольный Реборн, вновь ложится перед женщиной. — Оставьте его себе. Он хорошо защищен, а вам потребуется связь.

— Спасибо, — Нана и не думает отказываться. — А Бьянки-чан?

— Она отправится с вами, — Акихиро отвечает достаточно равнодушно. — А сейчас прошу меня извинить, у меня еще есть дела.

— Конечно, — женщина тут же подхватывается, следуя за уходящим гостем. Прощается она с ним сердечно, хотя и чуть растерянно. Видно, что она не ожидала таких резких перемен, но мелькающая улыбка выдает, что они не такие уж и плохие. Правда, она все равно не ожидала, что ее дочь так быстро вырастет, но это ведь не повод для грусти? Главное, она о ней не забыла, предупредила первой. Ну, а то, что она решила пойти против отца... Йемицу действительно забыл, что дети имеют привычку вырастать и вставать на ноги самостоятельно. Теперь нельзя вести их за ручки, как несмышлёнышей, нужно идти рядом и вовремя подхватывать, когда они оступаются.

Продолжение следует...

Примечания:

Тадаши - старший брат Кеи

Акихира - отец Кеи

<http://tl.rulate.ru/book/55953/1919764>